

ЦЕНТРАЛЬНАЯ АЗИЯ: ЭТНОГРАФИЯ И ДИПЛОМАТИЯ

DOI 10.31250/2618-8619-2022-3(17)-6-19

УДК 94(575.1)

Светлана Алексеевна Асанова

Алмалыкский филиал Национального исследовательского технологического университета «МИСиС»

Алмалык, Республика Узбекистан

ORCID: 0000-0001-5368-6681

E-mail: asa_svetlana@mail.ru

Дипломатический этикет туркестанских генерал-губернаторов (по дневникам Н. П. Остроумова)

АННОТАЦИЯ. Николай Петрович Остроумов — российский востоковед, внесший существенный вклад в развитие народного образования Средней Азии. Он был редактором русско-туземной газеты и советником при всех туркестанских генерал-губернаторах по мусульманским вопросам. Вел переписку с В. В. Бартольд, И. Ю. Крачковским, А. Вамбери, Н. И. Ильминским, И. Гаспринским и др. Его научная деятельность охватывала такие направления, как археология, этнография, языкознание, источниковедение, фольклористика, исламоведение. В Национальном архиве Республики Узбекистан хранится личный фонд Н. П. Остроумова (И-1009), в котором самыми уникальными источниками являются его переписка по личным, служебным и научным делам и неопубликованные дневники. В дневниках Н. П. Остроумова отражены особенности среднеазиатской жизни, характеристики и образы туркестанских генерал-губернаторов, нравы русских чиновников, контакты с мусульманами как по службе, так и в быту. В них он описывал церемонии приема кокандских, хивинских и бухарских посланников, принцев и самих эмиров и ханов, временами сравнивая особенности приема азиатских посланников разными генерал-губернаторами и давая оценку дипломатическому этикету, а порой и его отсутствию. Через взгляд российского чиновника, знакомого с обычаями и традициями мусульман, описываются особенности дипломатического этикета туркестанской администрации со знатными, коронованными мусульманами, их посланцами и местными жителями, которые часто носили курьезный характер из-за незнания чиновниками местных обычаев и отсутствия четко описанного протокола таких встреч.

КЛЮЧЕВЫЕ СЛОВА: Н. П. Остроумов, дневники, посольство, туркестанский генерал-губернатор, хивинский хан, кокандский хан, бухарский эмир

ДЛЯ ЦИТИРОВАНИЯ: Асанова С. А. Дипломатический этикет туркестанских генерал-губернаторов (по дневникам Н. П. Остроумова). *Кунсткамера*. 2022. 3(17): 6–19. doi 10.31250/2618-8619-2022-3(17)-6-19

CENTRAL ASIA: ETHNOGRAPHY AND DIPLOMACY

Svetlana Asanova

Almalyk Branch of the National Research Technological University «MISiS»

Almalyk, Uzbekistan

ORCID: 0000-0001-5368-6681

E-mail: asa_svetlana@mail.ru

Diplomatic Etiquette of the Governors-General of Turkestan (According to the Diaries of Nikolai Ostroumov)

ABSTRACT. Nikolai Petrovich Ostroumov, a well-known Russian orientalist, who made a significant contribution to the development of public education in Central Asia, was an editor of a Russian local newspaper and an adviser to all the Governors-General of Turkestan on Muslim issues. He had correspondence with V. V. Bartold, I. Yu. Krachkovsky, A. Vamberi, N. I. Ilminsky, I. Gasprinsky and others. His scientific activity covered archeology, ethnography, linguistics, source studies, folklore, Islamic studies. The National Archive of the Republic of Uzbekistan contains the personal fund of N. P. Ostroumov (I-1009), whose most unique sources are his correspondence and his diaries. The diaries of N. P. Ostroumov reflect the features of the Central Asian life, the characteristics and images of the Governors-General of Turkestan, the customs of Russian officials, contacts with Muslims both in the service and in everyday life. In them, he described the reception ceremonies of the ambassadors, princes, emirs and khans from Kokand, Khiva and Bukhara. He compared the receptions of Asian envoys by different governors general, giving his assessment of diplomatic etiquette or of its absence. In this publication, through the eyes of a Russian official familiar with the customs and traditions of Muslims, the peculiarities of the diplomatic etiquette of the Turkestan administration regarding the noble, ruling Muslims, their envoys and local residents, were described. These meetings were often of a curious nature due to the officials' ignorance of the local customs and the lack of a clear protocol.

KEYWORDS: Nikolai Ostroumov, diary, embassy, Governor-General of Turkestan, Khan of Khiva, Khan of Kokand, Emir of Bukhara

FOR CITATION: Asanova S. Diplomatic Etiquette of the Governors-General of Turkestan (According to the Diaries of Nikolai Ostroumov). *Kunstkamera*. 2022. 3(17): 6–19. (In Russian). doi 10.31250/2618-8619-2022-3(17)-6-19

Личность Николая Петровича Остроумова знаковая как для классического востоковедения, так и для российского Туркестана. В Ташкент он приехал в 1877 г. по приглашению первого Туркестанского генерал-губернатора Константина Петровича Кауфмана устраивать учебное дело. Ключевую роль в его назначении сыграл учитель и наставник Н. П. Остроумова Н. И. Ильминский — востоковед, педагог-миссионер, автор концепции инородческого образования и миссионерско-просветительской «системы Ильминского».

Первая встреча К. П. Кауфмана с Н. П. Остроумовым состоялась еще в Казани, где туркестанский генерал-губернатор был проездом и имел возможность лично познакомиться с кандидатом, которому предстояло устройство народного образования в Туркестанском крае. Начальнику края необходим был человек, который, помимо исполнения своих служебных обязанностей, разбирался бы в обычаях и традициях местного населения, а также владел их языком. Довольно распространенным явлением тех лет было слабое представление чиновников на окраинах о коренных народах, поэтому в их окружении нужны были люди, хорошо осведомленные в этих вопросах. Н. П. Остроумов оказался прекрасной кандидатурой для такой миссии — выпускник противомусульманского отделения Казанской духовной академии, магистр богословия, хорошо знавший ислам и владевший татарским и арабским языками.

Н. П. Остроумов был заметной фигурой российского дореволюционного востоковедения. В Туркестане он прожил пятьдесят лет, внес существенный вклад в развитие народного образования Средней Азии, был редактором русско-туземной газеты, вел переписку с В. В. Бартольдом, И. Ю. Крачковским, А. Вамбери, Н. И. Ильминским, И. Гаспринским, являлся советником при всех туркестанских генерал-губернаторах по мусульманским вопросам. В сферу его научных интересов входила археология, этнография, языковедение, источниковедение, исламоведение и др. В туркестанский период из-под его пера вышло около 130 статей, брошюр, заметок по различным аспектам его научной деятельности.

Помимо печатных изданий наследие Н. Остроумова составляют неопубликованные дневники, воспоминания, рукописи неизданных произведений, хранящиеся в Национальном архиве Республики Узбекистан (НА РУз. Ф. И-1009). Дневники представляют собой ежедневные записи о событиях, происходящих в общественной и политической жизни, причем не только в туркестанский период жизни Н. П. Остроумова, но и многим ранее. В них отражается его личное отношение к описываемым событиям. Все записи датированы, что дает возможность сопоставить их с определенными событиями. Что касается воспоминаний, то они мало чем отличаются от дневников. Это все те же дневниковые записи, только относящиеся непосредственно к личности того или иного генерал-губернатора. Нередко в начале воспоминаний автор обращает внимание на то, что это «записи моего дневника». На страницах дневников и воспоминаний мы находим размышления Н. П. Остроумова о роли туркестанской администрации в политике обрусения и русификации, мусульманском образовании, о личностных качествах представителей колониальной администрации, приемах в доме туркестанских генерал-губернаторов, встречах бухарских, хивинских и кокандских посланников русскими чиновниками и др. Основу настоящего исследования составили дневники и воспоминания Остроумова о Н. О. Розенбахе, С. М. Духовском, Н. А. Иванове, Н. И. Гродекове, а также о К. П. Кауфмане и М. Черняеве.

Дневники Н. П. Остроумова являются своего рода энциклопедией туркестанской жизни и нравов, причем в исторической перспективе, и поэтому всегда вызывали интерес исследователей. К дневникам и воспоминаниям Остроумова в последние годы обращались многие авторы. Российский исследователь И. Алексеев отмечает, что записи Остроумова дают яркое представление о его научно-политических взглядах и свидетельствуют о его желании составить из коренного населения метрополии и населения окраин «одно целое, если не однородное, то по крайней мере правильное» (Алексеев 2002). Узбекистанский ученый Б. Бабаджанов замечает, что в дневниках взгляды Остроумова слишком теоретизированы, особенно в вопросе религиозной жизни «туземцев», и чем чаще с его стороны звучат претензии и упреки в «незнании Корана и шариата»

в адрес генерал-губернаторов Туркестана, чиновников, всех русских, тем в более выигрышном положении оказывается их автор, заведомо венчая себя лаврами «знатока ислама» в личном и публичном дискурсе (Бабаджанов 2014). В статьях В. А. Германова видно, что за 50 лет пребывания в Туркестанском крае взгляды Остроумова претерпели существенное изменение, а этнографические черты жизни мусульман сделали понятными для него некоторые стороны русского быта XVI–XVII вв. (Германов 2002; 2008). К дневникам Остроумова неоднократно обращается автор многочисленных статей о нем Ю. С. Флыгин, который, в частности, признает, что научное наследие Остроумова крайне противоречиво (см., например: Флыгин 2016). В публикациях С. Асановой приводятся выдержки из дневников по различным аспектам общественно-политической жизни, а также записи Остроумова о личных и профессиональных качествах отдельных генерал-губернаторов: С. М. Духовского, Н. И. Гродекова, Н. А. Иванова (Асанова 2008а; 2008б; 2009; 2011а; 2011б; 2017).

В целом дневники Остроумова нельзя считать объективным историческим источником, в них довольно часто присутствует субъективизм, оценка событий через призму личных взглядов и отношений. Но ценность их несомненна, так как через эти записи еще ни одно поколение историков будет изучать, как те или иные идеологические установки преломлялись в обыденном сознании их автора. В дневниках Остроумова содержится немало фактов, не вошедших в историческую литературу. Учитывая синхронность описываемых событий, а также последующую (в конце жизни) их систематизацию самим Остроумовым, можно предположить, что он надеялся на публикацию своих дневников и воспоминаний, так как отмечает в одном из них, что «в моих записях о встречах и разговорах с генералом представлены конкретные факты, которые могут иметь значение для будущего историка русского управления в Туркестане» (НА РУз. Ф. И-1009. Оп. 1. Д. 71. Л. 54). В этом он не ошибся.

В дневниках Н. П. Остроумова обращает на себя внимание тот факт, что, несмотря на прочность своего положения в Туркестане, он практически никогда не пишет о безупречности российского администрирования краем. Несомненно, он имел возможность судить об этом, но делал это с точки зрения своего «идеализированного» взгляда. С одной стороны, его знание языка, религии и традиций азиатских народов позволяло ему оценивать поведение и поступки местного населения. С другой — он видел, какие ошибки допускает туркестанская администрация в управлении и общении с местным населением. Эти два факта позволили ему на страницах воспоминаний и дневников вести размышления о несовместимости этих двух сторон общественной жизни, при этом им была выстроена «идеальная» конструкция русского управления Туркестанским краем, которая так и не была реализована.

В Туркестан Н. Остроумов приехал с надеждой и большими планами на будущее, в своих дневниках он писал: «Ташкент представлял из себя небольшой европейский культурный оазис в полудикой Средней Азии, из которого, как из центра, предполагалось распространять общечеловеческие научные знания по радиусам в другие русские города и селения и через это сблизать туземцев Средней Азии не с Россией только, но и с Европой» (НА РУз. Ф. И-1009. Оп. 1. Д. 91. Л. 18). Спустя 40 лет он «во многом разочаровался и из прежнего, иногда даже восторженного оптимиста превратился в пессимиста и стал мрачно, безотрадным взором, смотреть на будущее России вообще и на ее политическое положение в Средней Азии в частности» (НА РУз. Ф. И-1009. Оп. 1. Д. 91. Л. 8).

Скептицизм, который красной нитью прослеживался в дневниках Н. Остроумова, доказывал: несмотря на заинтересованность туркестанской администрации в его знаниях, преодолеть «непонимание чиновниками культурных различий русского и азиатских народов» он не мог. Вероятно, именно это и побудило его говорить на страницах своих дневников о том, что русские, призванные управлять туркестанскими мусульманами, не были подготовлены к этой задаче, которая требовала от русских начальников не только административного такта и специальных знаний по исламоведению вообще, но и по истории мусульманской культуры в Туркестане в частности. При этом

он часто указывал, что в личном составе «русских правителей» в Туркестане (губернаторы, уездные начальники и приставы) не было лиц, непосредственно знакомых с Кораном и шариатом, регулирующими жизнь мусульман не только в религиозных верованиях, но и в семейной и общественной жизни. И выделял при этом только одного военного губернатора Сырдарьинской области Гродекова, который принял на себя почетный, но тяжелый труд издать русский перевод основного кодекса мусульманского теократического управления, выполненный с английского языка (НА РУз. Ф. И-1009. Оп. 1. Д. 91. Л. 8–9).

На страницах своего дневника Н. П. Остроумов неоднократно обращался к вопросу отсутствия у чиновников даже элементарных представлений о мусульманской культуре. При этом он пускался в долгие дискуссии с самим собой о богатстве и своеобразии этой культуры и не скрывал своей обиды за отсутствие даже малейшего интереса к ней со стороны русской администрации, равно как и чиновников по всей России. По его мнению, русские администраторы заботились прежде и больше всего об исправном поступлении податей с мусульманского населения (НА РУз. Ф. И-1009. Оп. 1. Д. 91. Л. 8–9). Складывается впечатление, что туркестанской администрации было проще держать Н. П. Остроумова в качестве посредника между собой и многотысячным местным населением, нежели каждому чиновнику в отдельности вникать в тонкости и своеобразие мусульманской культуры. До конца жизни Н. Остроумов так и не смог найти глубокого понимания данной проблемы среди чиновников. Он был твердо уверен, «что управлять мусульманским населением вообще трудно, особенно без предварительного ознакомления с верованием и бытом здешних туземцев, проживших тысячу лет в условиях, отличных от жизни европейских народов, и выработавших своеобразную мусульманскую культуру, оставившую значительный след в истории общечеловеческой образованности» (НА РУз. Ф. И-1009. Оп. 1. Д. 73. Л. 13).

Помимо различных аспектов общественно-политической жизни Туркестанского генерал-губернаторства и личных характеристик чиновников, на страницах своих дневников Н. Остроумов также описывал встречи и проводы российских государственных чиновников, равно как посланников Хивинского хана и Бухарского эмира. Несмотря на то что подобные записи встречаются нечасто, тем не менее они дают представление о том, что не ко всем чиновникам Остроумов относился одинаково ровно, в дневниках прослеживается оценка их действий через его «идеальный» взгляд, нередко он сравнивает действия разных чиновников.

Как свидетельствуют дневниковые записи Остроумова, особого дипломатического протокола российская элита в Туркестане не выработала, зачастую это были интуитивные действия, нередко приводящие к казусам. Единственно, что принималось безоговорочно всеми генерал-губернаторами, — это традиция одаривать подарками азиатских правителей, равно как и принимать их. В документах Национального архива немало тому подтверждений. В частности, подарками, которые подносили российские администраторы среднеазиатским чиновникам разного уровня, были традиционные для европейцев предметы обихода: серебряная посуда, шкатулки, вазы, золотые и серебряные галуны, часы, канделябры, различные материи и халаты. Также в качестве подарков выступали экипажные коляски (кареты) и железнодорожные вагоны. В то время как среднеазиатские правители дарили традиционные для стран Востока подарки: породистых лошадей, слонов, куланов, юрты, драгоценности, ковры и пр. Подобные одаривания, равно как и жертвование денег на содержание мечетей и медресе, угощения для местной знати, Остроумов оценивал «негативно», о чем, в частности, упоминает в своих записях о генерал-губернаторе М. Черняеве (Бабаджанов 2014: 40). Он также не проявлял интереса к содержанию подарков азиатских правителей, о чем отмечал позже в записях о генерал-губернаторе Духовском (НА РУз. Ф. И-1009. Оп. 1. Д. 73. Л. 69).

Стоит отметить, что в Туркестане сложился весьма своеобразный дипломатический протокол по организации торжественных встреч российских чиновников и азиатских посланников. В зависимости от того, приезжал или уезжал чиновник, до или после организовывался званый вечер, а также проводы и встречи на ташкентском вокзале. Основным правилом этих встреч было обязательное присутствие войск, чинов администрации, начальников разных учреждений города

(судебного, гражданского и учебного ведомств), представителей коренного населения и проживающих в обеих частях Ташкента (европейской и азиатской) прочих инородцев (татар, евреев). Причем встречи эти, как неоднократно отмечает Остроумов в своих дневниках, были весьма затратными для присутствовавших, так как организовывались за их счет. Но без этих встреч, считал он, обойтись нельзя, так как Ташкент был главным городом военной русской окраины. Так, на прощальном вечере 4 марта 1884 г. в военном собрании в честь отъезжавшего в Самарканд губернатора Н. А. Иванова, временно исполнявшего обязанности правителя генерал-губернаторской канцелярией, «участникам на этом вечере пришлось уплатить 1250 рублей 46 копеек, по раскладке на каждого 16 руб. 45 коп.» (НА РУз. Ф. И-1009. Оп. 1. Д. 73. Л. 19 об.). Аналогичное торжество описано Остроумовым при встрече генерал-губернатора Розенбаха (НА РУз. Ф. И-1009. Оп. 1. Д. 108. Л. 3 об.). При этом он косвенно оправдывал личные расходы при встречах российских чиновников и указывал на отсутствие такого желания при встречах азиатских правителей, что характеризует еще одна выдержка из дневника: «От исполнявшего обязанности начальника города полковника Ладыженского разослано по учреждениям известие, что завтра прибудет в Ташкент сын и наследник Его Сиятельства Хивинского хана. Начальствующие лица, желающие встретить наследника Хивинского хана, благоволят прибыть на вокзал железной дороги к трем часам по полудни. Форма одежды парадная». В этом извещении обращают внимание два слова: «желающие» и «благоволят». Правда, в таких случаях предписывалось «всем начальникам присутствовать при встрече на вокзале важных особ». И как результат «вышла большая путаница со встречами хивинского гостя из-за слова “желающие”. Желания у всех начальников не было, а в то же время было неудобно не поехать на вокзал» (НА РУз. Ф. И-1009. Оп. 1. Д. 73. Л. 30). Эти два сюжета из дневника являются фактическим отражением взглядов самого автора, равно как и видения им статуса российских и азиатских чиновников.

Еще одним неотъемлемым атрибутом дипломатического протокола, как отмечал Н. Остроумов, было украшение Ташкента при официальных встречах и проводах как российских чиновников, так и депутатий ханских посланников. По дороге следования процессий на домах и торговых заведениях вывешивались флаги, которые долго потом не снимались, на вокзале играл военный оркестр, преподносились букеты, дома как в европейской, так и азиатской частях Ташкента иллюминировались. Описание таких мероприятий на страницах дневников не носили никакой эмоциональной окраски и можно предположить, что Остроумов считал их соответствующими статусу главного города.

В Ташкенте при встрече генерал-губернаторов на вокзале, а потом и на торжественном приеме по этому поводу, как отмечал Остроумов, была заведена еще одна традиция — преподносить адреса от местного населения, в которых выражались верноподданнические настроения. Эта традиция была заведена первым туркестанским генерал-губернатором К. П. Кауфманом, к которому Остроумов испытывал явные симпатии, и продолжена его преемниками. Все адреса, которые преподносились местным населением, по словам Н. Остроумова, «отдавали явным сочинительством», но, по мнению чиновников, «соответствовали моменту». Так, в адресе, преподнесенном генерал-губернатору Духовскому, отмечалось: «Мы, ташкентские жители, под властью России находимся 33 года и своим поведением за все это время доказали свою любовь и преданность России и теперь искренно заявляем о своем уверении, что между нашим слишком сто тысячным населением не найдется ни одного недоброжелателя русским, рука которого не только могла бы подняться на солдата нашего государя и кто был бы способен на крамолу, но не найдется ни одного смотрящего подозрительным взглядом (!) Мы, представители города, отвечаем своими головами не только за спокойствие в туземном городе, но и за то, что в случае нужды, мы все, как один, всей душой, не щадя своих сил, поддержим государя императора и русскую власть в крае против крамольников (!) Смеем надеется, что ваше высокоблагородие представит наше изъявление верноподданнических чувств высшим властям» (НА РУз. Ф. И-1009. Оп. 1. Д. 73. Л. 7а).

Отвечая на адрес местных жителей, генерал Духовской отмечал: «Я совершенно верю искренности заявления, высказанного вами от лица мусульман. Наш государь одинаково относится как к своим детям ко всем своим подданным, как к христианам, так и к мусульманам и исповедникам других религий, и каждой народности желает искренно здоровья, благополучия и благоденствия. И я, с своей стороны, советую вам приучать своих детей с молодых лет к порядку и повиновению, в чем вы должны показывать им пример своим всегдашним и точным исполнением распоряжений и указаний русских начальников... высказанному вами от лица мусульман, вполне верю и буду следить за исполнением ваших слов» (НА РУз. Ф. И-1009. Оп. 1. Д. 73. Л. 76). Здесь же на страницах своего дневника Н. Остроумов отмечал, что «передовые мусульмане России пользовались таким равнодушием, чтобы не сказать резче, русских правителей к Корану в мусульманских странах и не верили заявлениям туземцев об их верноподданнических чувствах», впрочем, как и автор дневников. Полученные адреса потом передавались в Ташкентский музей для помещения их в рамках на стене.

В отличие от своих последователей, как отмечает Н. Остроумов, Кауфман был подчеркнуто сдержан в выражении дружеских чувств к азиатским правителям, чего нельзя было сказать про других генерал-губернаторов. Доказательство этому мы находим в дневниковых записях Н. Остроумова: «...генерал Кауфман во время приема кокандского принца стоял на своем месте, а сын хана подходил к нему и кланялся. Подошедши к генералу Кауфману, представляющийся сказал, что его прислал отец (Ферганский хан) друг генерал-губернатора. Тогда только Кауфман сказал: “Подаю руку сыну моего друга”. Старые туркестанцы вообще любят сравнивать с Кауфманом позднейших генерал-губернаторов, у которых не было и не могло быть того престижа, каким располагал Кауфман, имевший право объявлять войну соседним ханам и заключать с ними мир. О Духовском же рассказывали, что один проситель-сарт на приеме у генерала так расчувствовался, что похлопал генерала по плечу» (НА РУз. Ф. И-1009. Оп. 1. Д. 73. Л. 30 об.). Таким образом, можно констатировать, что за четверть века с момента покорения края Россией начала стираться статусная грань не только между генерал-губернаторами и азиатскими правителями, но и между генерал-губернаторами и местными жителями, а туркестанский дипломатический протокол претерпел значительные изменения. Надо отметить, что, ссылаясь на «старых туркестанцев», которые якобы сравнивали с Кауфманом всех последующих генерал-губернаторов, Остроумов лукавил и имел в виду прежде всего себя, так как на страницах своего дневника неоднократно указывал на особое к себе отношение со стороны Кауфмана (НА РУз. Ф. И-1009. Оп. 1. Д. 103. Л. 48). Остроумов не скрывал свою явную симпатию к Кауфману отмечая, что «прошло то время, когда русская власть держалась в Туркестане грозно и честно. Но после Кауфмана русский престиж пал среди туземцев» (НА РУз. Ф. И-1009. Оп. 1. Д. 103. Л. 67).

Помимо адресов от местных жителей российским чиновникам и приемов с их участием, в Туркестане было принято обмениваться письмами между генерал-губернаторами и ханами, в которых обычно выражались взаимные любезности. Содержание данных писем, по словам Н. Остроумова, нередко вызывало замешательство чиновников. Не последнюю роль в этом играли, по мнению Н. Остроумова, переводчики. Так, в одном из писем хивинского хана генерал-губернатору Духовскому значилось:

«Услышав поступления, Вашего Великопревосходительства, в этот край начальником, родилась у меня полная надежда, что под покровительством Вашим Хивинское ханство, отныне день ото дня, будет расширяться и богатея процветать». Это письмо, по мнению Остроумова, «было сочинено при помощи русского переводчика Агеева и было не совершенно точно сближено с туземным (смешанным) дипломатическим языком. Судя по запятым, очень щедро расставленным в русском переводе, можно думать, что переводчик недостаточно образован грамматически и в переводах туземных текстов не имеет надлежащего навыка» (НА РУз. Ф. И-1009. Оп. 1. Д. 73. Л. 31).

Остроумов отмечал, что в русском переводе подчеркнуты слова «Под покровительством вашим» и «расширяться» и, по его мнению, эти подчеркивания указывали, что генерал Духовской

понял слова «расширяться» как надежду хана на расширение Хивинского ханства под покровительством нового генерал-губернатора (НА РУз. Ф. И-1009. Оп. 1. Д. 73. Л. 31). Письмо хивинского хана планировалось опубликовать в туземной газете, но находящееся в письме слово «расширяться» обеспокоило администраторов, и они не знали, как с этим быть. Начальник штаба склонялся к пропуску этого слова в печати, а генерал Духовской полагал оговорить в следующих номерах газеты, что вместо «расширяться» следует читать «развиваться». С переводом ответного письма генерал-губернатора хивинскому хану вышло тоже какое-то недоразумение, потому что переводчику при генерал-губернаторской канцелярии Шихалобекову было приказано сделать новый перевод. Вероятно, в самом русском оригинале было надумано что-нибудь изменить (НА РУз. Ф. И-1009. Оп. 1. Д. 73. Л. 33). Подобные ремарки автора дневника являются явным доказательством его веры в исключительность своего мнения, поскольку действия чиновников разных рангов в его записях всегда подвергались сомнению и явному осуждению.

Отметим, что генерал-губернатор Духовской чаще своих предшественников уличался Остроумовым в «видимом стремлении к популярничанию среди туземцев», за которое, по его словам, генерала упрекали ташкентцы. Именно им была введена традиция одаривать местных жителей, в том числе казиев, своими фотографиями. Были случаи, когда представители местного населения, в частности купец Сеид Карим Сеид Азимбаев, сами выпрашивали у него портреты, чтобы после хвалиться вниманием со стороны генерала Духовского и таким образом сравняться с казиями, получившими портреты генерала (НА РУз. Ф. И-1009. Оп. 1. Д. 73. Л. 16 об.). В другой раз Фансулла бек, зять бывшего независимого правителя Шахрисабза полковника русской службы Джурабека, жившего в Ташкенте и владевшего поместьями и пахотными землями, получив портрет генерала, высказался, что не желает довольствоваться только генеральским портретом, а желает получать и денежное пособие (НА РУз. Ф. И-1009. Оп. 1. Д. 73. Л. 42–43 об.). Также генерал Духовской во время проезда через Бухарский участок (ст. Каган) послал свой портрет бухарскому казы-каляну (старший казий Бухары), несмотря на то что он не выехал на железнодорожную станцию для приветствия туркестанского генерал-губернатора. Таким образом, генерал-губернатор своими портретами не удовлетворил туземцев Средней Азии, а русским ташкентским критикам дал повод к порицанию в неуместном способе расположить к себе мусульман Средней Азии, отмечал Остроумов (НА РУз. Ф. И-1009. Оп. 1. Д. 73. Л. 43 об.).

Остроумову казалось ошибкой со стороны генерала раздавать свои портреты «некоторым туземцам». Он вспомнил случай, когда генерал Черняев при представлении ему туземцев дал одному ишану серебряный рубль. Ишан, принявши монету с царским изображением, потихоньку спустил ее на землю из-под полы своего халата... Нечто подобное могло случиться с портретом генерала Духовского, считал Остроумов (НА РУз. Ф. И-1009. Оп. 1. Д. 73. Л. 17). Для закрепления своего мнения Остроумов привел еще пример, когда во время Андижанского восстания разорвали царский портрет, отмечая при это, что краевая администрация предпочитала об этом умолчать (НА РУз. Ф. И-1009. Оп. 1. Д. 71. Л. 29 об.).

Не уместна, по мнению Остроумова, была и «демонстрация в окошках панорам лубочных картинок: Бовы Королевича, Ильи Муромца, митрополита Филарета в мантии, Николая Чудотворца с маленькими изображениями по сторонам центральной фигуры разных чудес его и даже картины воскресения Христова. Рядом с этими картинами показывались портреты Государя, Афган Эмира и Турецкого Султана. Портреты Государя (Ак-Паша) занимали место в верхнем ряду панорамы, а по бокам портрета находились женские изображения из журнала женских мод» (НА РУз. Ф. И-1009. Оп. 1. Д. 91. Л. 45). Подобные действия были проявлением дипломатического простодушия чиновников, не знакомых с основами мусульманского вероучения, считал он.

Женщины — особая тема на страницах дневника Остроумова. Нередко он рассуждал об их судьбах и несправии в Туркестане, отмечая при этом, что появление их перед незнакомыми мужчинами не допускалось мусульманским этикетом. Несмотря на подобные запреты, генерал Духовской в 1899 г. во время приема бухарского посольства ввел еще один обычай — присутствие

на приеме дам, и это при том, что «на более глухих улицах города туземцы и рабочие даже нападают на беззащитных русских женщин, а сартяга бросают в проходящих камнями» (НА РУз. Ф. И-1009. Оп. 1. Д. 73. Л. 14 об.). В своем дневнике Остроумов после этого приема написал: «Присутствие дам на этой церемонии отличало описанную встречу бухарского посланца от прежних приемов посланцев Бухарского эмира и Хивинского хана в генерал-губернаторском доме. Некоторые русские военные и гражданские чины говорили, что приглашением дам на эту встречу генерал Духовской оказал слишком большую честь бухарскому посланцу, который едва ли оценил это, так как женщины не пользуются в Средней Азии (и вообще среди мусульман) полноправием. Ведь в Коране определенно сказано, что жены по своему достоинству ниже мужчин и что она должна закрывать себя от взоров посторонних мужчин. Есть и другие изречения в Коране не в пользу равноправия женщин. И я невольно задаю себе вопрос: как отнесутся ко встрече с дамами посланцы и что подумает Эмир, когда ему посланцы расскажут о своем приеме у генерала Духовского. Думаю, что генерал Духовской соригинальничал ради своей супруги, которой присутствие около нее дам придавало больше важности. А помощнику генерал-губернатора генералу Иванову это, конечно, не могло понравиться (он со своей супругой покинул этот вечер после появления бухарских посланцев. — С. А.). Таким образом, слабость человеческая сказалась с обеих сторон — как со стороны Духовского, так и со стороны Иванова. И кому это было извинительно?» (НА РУз. Ф. И-1009. Оп. 1. Д. 73. Л. 15). Женщины на этом приеме были не просто гостями, а полноправными участниками мероприятия, в том числе обедали за одним столом со всеми участниками приема. Надо отметить, что совместная трапеза, по мнению Остроумова, была внушительной «для наших политических союзников».

Разделение обедавших на две группы наблюдалось только 25 сентября 1892 г., когда генерал-губернатор Гродеков устроил прием в честь возвращавшегося из Ялты эмира Бухары. «Особенность обеденного церемониала состояла в том, что Эмир сидел за особым столом с генерал-губернатором и начальственными лицами и дипломатическими чинами, а его сановники (пять человек) и несколько вместе со мной (Остроумовым. — С. А.) обедали в соседней комнате. Я был приглашен в это общество как редактор Туземной газеты, лично знакомый с бухарскими сановниками, приезжавшими в разное время в Ташкент для официальных поздравлений генерал-губернаторов с высокотожественными днями Российского государства. Обыкновенно приезжавшие в Ташкент бухарские и хивинские гости обедали или завтракали за одним общим столом в большой столовой. Но генерал Гродеков хотел показать Эмиру свое особенное к нему внимание и уважение» (НА РУз. Ф. И-1009. Оп. 1. Д. 71. Л. 51 об.).

В дневниках Остроумова встречались также описания казусов, которые случались с парадной формой военных и гражданских чинов при встречах азиатских посланников. Так, на вышеописанную встречу с участием дам «некоторые генералы явились без лент, но и те, которые были в лентах, поспешили уже в приемной снять их и остаться таким образом в праздничной форме. Один из присутствующих даже сказал по этому поводу: “Если для Бухарского посланца назначили парадную форму, то какая еще форма потребуется при встрече самого Эмира? Не следует вообще возвышать бухарцев в их собственном самосознании, а нас (русских) унижать...” Как, однако, все это мелко!» —воскликает Остроумов (НА РУз. Ф. И-1009. Оп. 1. Д. 73. 69 об.). Аналогичная путаница из-за лент при орденах произошла и при приеме наследника хивинского хана в доме генерал-губернатора: одни говорили, что ленты необязательны, другие же находили это нужным, а затем опять было решено встречать гостя без лент (НА РУз. Ф. И-1009. Оп. 1. Д. 73. Л. 30 об.). Таким образом, можно с уверенностью сказать, что особого дипломатического протокола в Туркестанском генерал-губернаторстве выработано не было, а статус азиатских посланников не всегда был понятен российским чиновникам, поэтому и случались подобного рода недоразумения.

В 1907 г. в одной из своих статей Н. Остроумов отмечал, что «от приема современных среднеазиатских послов в Ташкенте можно получить сильное впечатление, поражающее не только зрение, но и мысль, способную оценить силу и значение исторического влияния, обнаруживающегося даже

и на небольшом протяжении времени. В самом деле, давно ли как будто преемник покойного бухарского эмира Музаффар-хана молодой Тюрюк-Джан проехал скромно через Ташкент в 1883 году на почтовых лошадях, а в конце 1906 года он, как бухарский эмир, торжественно проследовал в Петербург уже в собственном, подаренном нашим государем его высочеству роскошном вагоне» (Остроумов 1907). Таким образом Остроумов фактически признал, что распространение русского быта среди азиатских правителей шло интенсивнее, нежели в среде простого населения.

Еще один сюжет, заслуживающий внимания и описанный Остроумовым, относится к 1899 г., когда генерал Духовской в день 34-й годовщины взятия Ташкента генералом Черняевым организовал традиционный крестный ход на братскую могилу русских воинов, убитых во время этого штурма. Несмотря на традиционность мероприятия, это был «необыкновенный выезд, рассчитанный на привлечение внимания туземцев». К концу обедни на соборной площади были выстроены войска ташкентского гарнизона, фронтом к собору. Когда генерал вышел из церкви, ему привели верховую лошадь, убранную сбруей в азиатском стиле и напоминавшую выезд азиатских властителей на пятничную молитву в мечети, а отчасти и московского царя Алексея Михайловича. Лошадь была накрыта бархатным чепраком малинового цвета, расшитым золотом. От седла к шее лошади были протянуты широкие парчовые тесьмы. На шее лошади был особый парчовый ошейник. Ремни узды были прошиты парчовыми полосками. На передних ногах лошади ближе к щиколоткам были повязки с бубенчиками. Удила и стремяна разделаны «под чернь» серебром. Все седло было накрыто малиновым бархатом, а поводья прошиты золотыми нитями... Такое лошадиное убранство произвело отрицательное впечатление на ближайших советников генерала и вызвало их досаду. Десять человек военных чинов составляли свиту генерала.

«В 9 ½ часов утра крестный ход направился по улицам русского и туземного города к бывшим Камелоновским воротам, вблизи которых на особой огороженной решеткой довольно поместительной площадке расположена Братская могила и небольшая часовня, в которой, кроме икон, находятся надписи имен поминаемых героев ташкентского штурма.

Процессия двигалась в таком порядке: хоругви, иконы, духовенство, певчие, генерал со свитой, члены городской управы, горожане и горожанки; два военных оркестра, попеременно исполнявших церковный гимн “Коль славен наш Господь”, войска. На улицах по дороге следования процессии были выставлены флаги. Туземцы группировались на базарчиках и особенно вблизи кладбища с Братской могилой. Туземные женщины и дети занимали плоские крыши домов и сараев. На заборах, окружавших кладбище, также ютились любопытные туземцы, преимущественно мужчины и взрослые дети мужского пола. Каждый год подобная процессия привлекает к себе внимание туземцев, а в настоящем году их внимание увеличилось, потому что в процессии находился новый главный начальник края, прибывший в Ташкент для суда и расправы с ферганскими повстанцами.

По прибытию к месту Братской могилы генерал сошел с коня и направился к часовне, за которой находилась общая могила поминаемых воинов, перекрестился и поклонился к могиле, а затем занял место под особым наместом, устроенным пред часовней. Вся площадь пред часовней была занята молящимися. Началось торжественное пение панихиды, которую служили семь священников и два дьякона. Пел за панихидой соборный хор. При возглашении “вечной памяти” поминаемым воинам, две роты, находившиеся в ограде “на молитве”, дали три холостых выстрела, на которые с городской крепости ответили тремя выстрелами из крепостных орудий. Содрогнулись от выстрелов коленапреклоненные молящиеся и туземцы, находившиеся в ограде и около. Представители туземного населения — казии, аксакалы и почетные туземцы в жалованных русским начальником халатах (бархатных и суконных, обшитых золотыми позументами) и в медалях находились в конце аллеи, ведущей от ворот ограды к часовне.

По окончании богослужения генерал подошел к пожилому надворному советнику Солтановскому, современнику ташкентского штурма, поздравил его с настоящим днем торжества

русского оружия в Средней Азии и пожелал ему еще много раз вспоминать этот славный день. Затем участвовавшие в крестном ходе духовенство с хоругвями и иконами направились к выходу из-за ограды, чтобы следовать в город, а за духовенством и генерал вышел на улицу к войскам, выстроенным для парада по случаю воспоминаемого торжества.

Обходя войска, генерал здоровался с ними, а затем сел на своего разукрашенного коня и, остановившись перед фронтом, поздравил войска с тридцать четвертой годовщиной славного ташкентского штурма и провозгласил “Ура!” Государю Императору. Войска ответили дружно “ура”, огласившим окрестность, занятую любопытствующими туземцами и русскими. Войсковые оркестры заиграли русский гимн “Боже, Царя храни!” Когда замолкли звуки гимна, генерал сказал: “Вспоминаю, братцы, покойного императора Александра II, в царствование которого был завоеван Ташкент, вспоминаю и императора Александра III и скончавшегося уже генерала Черняева и его сподвижника протоиерея Малова и скажем им «вечную память»”. Все присутствовавшие, обнаживши головы, перекрестились. Этот торжественный момент вызвал у многих слезы на глазах. Потом последовала команда накрыть обнаженные головы и приготовиться к церемониальному маршу. Оркестры заиграли марш, и войска проходили мимо генерала Духовского и его свиты. Генерал провожал их одобрительными отзывами за молодцеватость.

Когда все войска прошли пред генералом и направились в обратный путь, генерал спустился с разукрашенного коня, вошел в ограду Братского кладбища и занял приготовленное для него и для почетных гостей место в особой палатке, расположенной рядом со столом пирующих ветеранов, оставшихся в живых после ташкентского штурма. Начались «здравицы», возглашенные генералом Духовским и находившимися при нем военными чинами. После взаимных тостов генерал пригласил почетных туземцев подойти к палатке, а также членов городской управы, и сказал: “Прошло тридцать четыре года со дня присоединения Ташкента к России, и я думаю, что вы, положа руку на сердце, признаете, что прежде (при ханах) не жили так спокойно и благополучно, как в эти минувшие 34 года”. Сказанные генералу слова были переданы на туземный язык. Туземцы тихо-робко высказали, что согласны со сказанными генералом словами. Тогда генерал продолжил: “И теперь ваши русские начальники заботятся о вашем спокойствии и благоденствии, потому что считают вас братьями в общей русской семье, как подданных общего нашего государя. И пройдут еще тридцать, или более лет, и те из вас, которые будут в то время живы, и дети ваши будут вспоминать русское управление и благодарить бога. Поэтому скажем вместе, по русскому обычаю «Ура!» всем вашим начальникам, начиная с областного губернатора, – начальнику города Ташкента, полицмейстеру туземной части и его помощникам русским приставам и туземным должностным лицам. Пожелаем процветания Ташкенту”. Туземцы исполнили приглашение главного начальника края, хотя это было непривычно для них.

После туземцев около палатки появился фотограф со своим инструментом и стал снимать присутствующих, сначала генерала с его свитой, затем туземцев и русских ветеранов. Ветераны к этому времени уже угостились и были словоохотливы. Особенно один из них, уже старик, но крепкий в русском обычае встал и громко возгласил тост ветеранов за генерала Духовского и за русских офицеров. Генерал поддержал этот тост и ответил тостом за ветеранов.

Генерал не оставил без внимания и русских дам и барышень, находившихся в палатке, просил фотографа снять их на особую пластинку.

Подозвали затем двух сторожей (русского и туземца), карауливших братское кладбище, генерал наградил русского караульщика деньгами, а туземца жалованным халатом.

Простившись затем с присутствовавшими гостями, русскими и туземцами, генерал вышел за ограду и вместе со свитой направился в город — к черняевскому домику. Отсюда, по выслушивании краткой литии с возглашением вечной памяти почившему герою генерал направился в генерал-губернаторский дом, пригласив сопутствовавших ему чинов военных и гражданских к завтраку» (НА РУз. Ф. И-1009. Оп. 1. Д. 71. Л. 60–61 об.).

Похоже, чествование «русской славы» в азиатской части города настолько поразило самого Остроумова, что он так подробно описал его. Надо отметить, что подобных описаний в дневниках Остроумова больше не встречалось.

В целом отдельные сюжеты, которые были приведены, являются фактическим отражением авторского восприятия, его желания изменить сознание «туземцев», привить им «цивилизованные», «правильные» формы поведения, а также его сожаления о несостоятельности российской власти в понимании глубины мусульманского вероучения. Фактически дневники Остроумова укладываются в концепцию ориентализма Э. Саида, определяющего его как стиль мышления, основанный на онтологическом и эпистемологическом различии «Востока» и «Запада» в лице России. Автор дневников повсеместно прибегает к таким сравнениям.

Таким образом, на материалах дневников Н. П. Остроумова можно констатировать, что особо туркестанского дипломатического этикета за время его пребывания в крае не сложилось. Сменявшие друг друга туркестанские генерал-губернаторы действовали в этом вопросе интуитивно. Зачастую манера общения российских администраторов с азиатскими посланниками и населением зависела от статуса последних, а также от желания продемонстрировать свое превосходство. И хотя Остроумов считал, что «при столкновении народностей двух различных культур отрицательные стороны этих культур прививаются скорее, нежели положительные, и что избежать такого взаимного развращения невозможно» (НА РУз. Ф. И-1009. Оп. 1. Д. 71. Л. 32), тем не менее компромисс в дипломатическом этикете был достигнут. Переписку с азиатскими правителями туркестанская администрация вела исключительно на их языке, прибегая к услугам переводчиков, подарками, как полагалось на Востоке, одаривала, оказывала почести в силу своих возможностей, но при этом рассматривала их как «невиданных доселе гостей», за глаза называя «халатниками» или «Карлом Карловичем», так как русские дипломаты часто бывали или Карлы, или Карловичи (НА РУз. Ф. И-1009. Оп. 1. Д. 91. Л. 46). Такое отношение к азиатским посланникам, по мнению самого Остроумова, не могло быть оправданно и тем более было не к лицу русским чиновникам высокого ранга. «Да простят мне соотечественники мое искренно скорбное заключительное слово: огромное большинство нас — плохие культуртрегеры, не только не подготовленные к своей службе в иноплеменном и иноверном крае, но и не стремящиеся выходить из узкой рамки чиновников, смотрящих на службу в Туркестане как на этап в своей служебной карьере. Особенно это замечается в последнее десятилетие, когда даже генерал-губернаторы сменяли один другого очень часто» (Остроумов 1910).

СПИСОК ИСТОЧНИКОВ И ЛИТЕРАТУРЫ

- НА РУз. Ф. И-1009. Оп. 1. Д. 71. Туркестанский генерал-губернатор Гродеков.
НА РУз. Ф. И-1009. Оп. 1. Д. 73. Туркестанский генерал-губернатор С. М. Духовской.
НА РУз. Ф. И-1009. Оп. 1. Д. 91. Дневник Остроумова № 1 за 1877–1881 гг.
НА РУз. Ф. И-1009. Оп. 1. Д. 103. Воспоминания о Туркестанском генерал-губернаторе Н. А. Иванове.
НА РУз. Ф. И-1009. Оп. 1. Д. 108. Дневник Н. П. Остроумова за время управления Туркестанским краем генерал-лейтенанта Николая Оттановича Розенбаха (1884–1889).
Алексеев И. Л. Н. П. Остроумов о проблемах управления мусульманским населением Туркестанского края // Сборник Русского исторического общества. Т. 5 (153). М.: Русская панорама, 2002. С. 89–95.
Асанова С. А. Русское колониальное управление в Туркестане глазами востоковеда (на материалах воспоминаний и дневников Н. П. Остроумова) // «ЕвроАзия». Россия — Узбекистан: история и современность. Ч. 2. М.: Информационно-аналитический центр по изучению общественно-политических процессов на постсоветском пространстве, 2008а. С. 16–26.
Асанова С. А. Прием наследника хивинского хана в доме генерал-губернатора вызвал путаницу из-за лент при орденах (шестой Туркестанский генерал-губернатор Сергей Михайлович Духовской на страницах дневника Н. П. Остроумова) // Звезда Востока. Литературно-художественный журнал. Ташкент. 2008б. № 4. С. 101–115.

Асанова С. А. Генерал-губернатор Николай Иванович Гродеков: путь от берегов Амура до берегов Амударьи // Русская диаспора в Узбекистане: время, события, люди: материалы науч. конф. Ташкент: Русский культурный центр, 2009. С. 143–154.

Асанова С. А. Мусульманский вопрос в Туркестане (из воспоминаний Н. П. Остроумова о шестом генерал-губернаторе С. М. Духовском за 1898 год) // Научные труды Института бизнеса и политики. Вып. 13: Восток: история, политика, культура. М.: ИБП, 2011а. С. 64–92.

Асанова С. А. Николай Петрович Остроумов: в поисках ответов... // Научные труды Института бизнеса и политики. Вып. 8: Восток: история, политика, культура. М.: ИБП, 2011б. С. 117–147.

Асанова С. А. «Его отличительной особенностью был канцеляризм». К воспоминаниям Н. П. Остроумова о генерал-губернаторе Н. А. Иванове // Личность и время. Николай Остроумов: востоковед, просветитель, летописец эпохи: материалы междунар. науч. конф., посвящ. 170-летию со дня рождения русского ученого-туркестановеда, исламоведа, деятеля народного образования в Средней Азии Николая Петровича Остроумова. Ташкент: Turon zamin ziyo, 2017. С. 127–135.

Бабаджанов Б. Николай Остроумов: «миссионер», «исламовед», «цивилизатор»? // Восток свыше. Духовное и литературно-историческое издание. Вып. XXXII. Ташкент: Московский патриархат; Ташкентская и Среднеазиатская епархия, 2014. С. 29–50.

Германов В. А. Николай Остроумов: «Керенский относился ко мне не искренне...» // Восток свыше. Духовное и литературно-историческое издание. Вып. IV. Ташкент: Московский патриархат; Ташкентская и Среднеазиатская епархия, 2002. С. 34–38.

Германов В. Тайное и явленное, светское и сакральное в жизни магистра богословия Николая Остроумова // Востокведческие чтения памяти Н. П. Остроумова: сб. материалов / отв. ред. Ю. С. Флыгин. Ташкент: Ташкентская и Среднеазиатская епархия, 2008. С. 41–54.

Остроумов Н. Бухарские и хивинские посольства в Россию и русские посольства в Бухару и Хиву // Туркестанские ведомости. 1907. № 86, 89, 92, 96, 99, 100.

Остроумов Н. Колебания во взглядах на образование туземцев в Туркестанском крае (хронологическая справка). Ташкент. 25.02.1910. URL: https://www.vostlit.info/Texts/Dokumenty/M.Asien/XX/1900-1920/Kaufmann_sbornik/text9.htm (дата обращения: 20.09.2022).

Флыгин Ю. С. Николай Остроумов: востоковед, просветитель, летописец эпохи. Ташкент: Turon zamin ziyo, 2016.

REFERENCES

Alekseev I. L. N.P. Ostroumov o problemakh upravleniia musul'manskim naseleniem Turkestanskogo kraia [N. P. Ostroumov on the Problems of Managing the Muslim Population of the Turkestan Region]. *Sbornik Russkogo istoricheskogo obshchestva* [Collection of Russian Historical Society], vol. 5 (153). Moscow: Russkaia panorama, 2002, pp. 89–95. (In Russian)

Asanova S. A. Russkoe kolonial'noe upravlenie v Turkestane glazami vostokoveda (na materialakh vospominanii i dnevnikov N. P. Ostroumova) [Russian Colonial Administration in Turkestan According to an Orientalist (Based on the Memoirs and Diaries of N. P. Ostroumov)]. *“EvroAziiia”*. Rossiia — Uzbekistan: istoriia i sovremennost' ["EuroAsia": Russia — Uzbekistan: History and Today]. Moscow: Informatsionno-analiticheskii tsentr po izucheniiu obshchestvenno-politicheskikh protsessov na postsovetskom prostranstve, 2008, vol. II, pp. 16–26. (In Russian)

Asanova S. A. Priem naslednika khivinskogo khana v dome general-gubernatora vyzval putanitsu iz-za lent pri ordenakh (Shestoi Turkestanskii General-Gubernator Sergei Mikhailovich Dukhovskoi na Stranitsakh Dnevnika N. P. Ostroumova) [The Reception of the Heir of the Khiva Khan in the House of the Governor-General Caused Confusion Due to the Ribbons Attached to the Orders (Sixth Turkestan Governor-General Sergey Mikhailovich Dukhovskoy on the Pages of N. P. Ostroumov's Diary)]. *Zvezda Vostoka. Literaturno-khudozhestvennyi zhurnal*. Tashkent, 2008, no. 4, pp. 101–115. (In Russian)

Asanova S. A. General-gubernator Nikolai Ivanovich Grodekov: put' ot beregov Amura do beregov Amudar'i [Governor-General Nikolai Ivanovich Grodekov: The Path from the Riverside of the Amur to the Riverside of the Amu Darya]. *Russkaia diaspora v Uzbekistane: vremia, sobytiia, liudi (materialy nauchnoi konferentsii)* [Russian Diaspora in Uzbekistan: Time, Events, People (Materials of Scientific Conference)]. Tashkent: Russkii kul'turnyi tsentr, 2009, pp. 143–154. (In Russian)

Asanova S. A. Musul'manskii vopros v Turkestane (iz vospominanii N. P. Ostroumova o shestom general-gubernatore S. M. Dukhovskom za 1898 god) [The Muslim Question in Turkestan (from the Memoirs of

N. P. Ostroumov about the Sixth Governor-General S. M. Dukhovskoy]. *Nauchnye trudy Instituta biznesa i politiki. Vostok: istoriia, politika, kul'tura* [Scientific Works of Institute of Business and Politics. Orient: History, Politics, Culture]. Moscow: IBI, 2011, vol. 13, pp. 64–92. (In Russian)

Asanova S. A. Nikolai Petrovich Ostroumov: v poiskakh otvetov... [Nikolai Petrovich Ostroumov: in Search of Answers...]. *Nauchnye trudy Instituta biznesa i politiki. Vostok: istoriia, politika, kul'tura* [Scientific Works of Institute of Business and Politics. Orient: History, Politics, Culture]. Moscow: IBI, 2011, vol. 8, pp. 117–147. (In Russian)

Asanova S. A. “Ego otlichitel'noi osobennost'iu byl kantseliarizm”. K vospominaniiam N. P. Ostroumova o general-gubernatore N. A. Ivanove [“His Distinguishing Feature was Clericalism”. To the Memoirs of N. P. Ostroumov about the Governor-General N. A. Ivanov]. *Lichnost' i vremia. Nikolai Ostroumov: vostokoved, prosvetitel', letopisets epokhi. Materialy mezhdunarodnoi nauchnoi konferentsii, posviashchennoi 170-letiiu so dnia rozhdeniia russkogo uchenogo-turkestanoveda, islamoveda, deiatelia narodnogo obrazovaniia v Srednei Azii Nikolaia Petrovicha Ostroumova* [Personality and Time. Nikolai Ostroumov: Orientalist, Educator, Chronicler of the Era. Proceedings of the International Scientific Conference Dedicated to the 170th Anniversary of the Birth of Nikolai Petrovich Ostroumov, a Russian Scholar of Turkestan Studies, an Islamic Scholar, and a Figure in Public Education in Central Asia]. Tashkent: Turon zamin ziyo, 2017, pp. 127–135. (In Russian)

Babadzhanov B. Nikolai Ostroumov: “missioner”, “islamoved”, “tsivilizator”? [Nikolai Ostroumov: “Missionary”, “Islamic Scholar”, “Civilizer”?]. *Vostok svyshe. Dukhovnoe i literaturno-istoricheskoe izdanie* [East Above. Spiritual and Literary-Historical Edition]. Tashkent: Moskovskii patriarkhat. Tashkentskaia i Sredneaziatskaia eparkhiia, 2014, vol. XXXII, pp. 29–50. (In Russian)

Germanov V. A. Nikolai Ostroumov: “Kerenskii odnosilsia ko mne ne iskrenne...” [Nikolai Ostroumov: “Kerensky did not Treat me Sincerely...”]. *Vostok svyshe. Dukhovnoe i literaturno-istoricheskoe izdanie* [East Above. Spiritual and Literary-Historical Edition]. Tashkent: Moskovskii patriarkhat. Tashkentskaia i Sredneaziatskaia eparkhiia, 2002, vol. IV, pp. 34–38. (In Russian)

Germanov V. Tainoe i iavlennoe, svetskoe i sakral'noe v zhizni magistra bogosloviia Nikolaia Ostroumova [The Secret and the Revealed, the Secular and the Sacred in the Life of Master of Theology Nikolai Ostroumov]. *Sbornik materialov* [Collection of Materials]. Ed. by Yu. S. Flygin. Tashkent: Tashkentskaia i Sredneaziatskaia eparkhiia, 2008, pp. 41–54. (In Russian)

Flygin Yu. S. *Nikolai Ostroumov: vostokoved, prosvetitel', letopisets epokhi* [Nikolai Ostroumov: Orientalist, Educator, Chronicler of the Era]. Tashkent: Turon zamin ziyo, 2016. (In Russian)

Submitted: 12.06.2022

Accepted: 15.09.2022

Published: 10.10.2022